

ЗАЙЦЕВА Елена Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Тверского государственного университета, e-mail: e_zaitseva@mail.ru

УДК 81'23

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

А.А. Яковлев

Сибирский федеральный университет, Красноярск

Статья посвящена анализу гносеологических основ понятия «языковое сознание» и их методологических следствий. Важнейшими моментами, которые должны быть приняты во внимание для непротиворечивого изучения языкового сознания, являются активный, пристрастный характер отражения мира в сознании, а также не прямое, превращённое выражение характеристик реальных объектов в построениях теории – понятиях.

Ключевые слова: языковое сознание, методология лингвистики, гносеология лингвистики.

В настоящее время в лингвистической литературе, рассматривающей язык в более широком контексте культуры и/или психических явлений, можно наблюдать тенденцию к одновременному использованию таких понятий, как «языковое сознание», «языковая картина мира», «языковая модель мира» и т.д. Подобное использование разных терминов не ведёт к полному взаимопониманию между учёными, принуждёнными, если они хотят быть верно понятыми, постоянно возвращаться к уже сказанному и всякий раз уточнять трактовку того или иного понятия. Трудностей добавляет и то, что разные понятия языкознания могут имплицитно отождествляться с разными же понятиями других наук, например, «языковое сознание» — «образ мира», «языковая картина мира» — «научная картина мира»; а могут и не отождествляться (субъективное желание идти по пути наименьшего сопротивления играет здесь, как представляется, большую роль, чем должно было бы). К сожалению, риск такого отождествления накладывает на исследователя ещё одно обязательство: постоянно уточнять, какие изменения претерпевает в его трактовке то понятие, которое он перенял из другой области знания и которое служит основой для его собственных построений.

Нет, думается, надобности говорить, что далеко не все учёные находят силы и желание выполнять эти два обязательства, созданные ими и их коллегами, а в конечном счёте – разномыслием в использовании и переносе терми-

нов.

В рамках одной статьи невозможно разобраться во всём разнообразии используемых терминов, поэтому мы хотели бы остановиться подробно на понятии «языковое сознание» (далее – ЯС) и проследить гносеологические и методологические основы, связанные с содержанием самого этого понятия. Анализ таких основ для понятия «языковая картина мира» дан нами в другой публикации [Яковлев 2016].

Одним из весьма распространённых определений ЯС является следующее: «... **Языковое сознание** – это часть сознания, обеспечивающая механизмы языковой (речевой) деятельности: порождение речи, восприятие речи и – добавим, что очень важно – *хранение языка в сознании*. Система языковых единиц с их разнообразными значениями хранится в сознании и является принадлежностью языкового сознания, а исследование системы языка как феномена сознания есть исследование языкового сознания» [Попова 2007: 45-46]. И поскольку речевая деятельность входит в состав более широкого понятия коммуникативной деятельности, перед авторами встаёт вопрос о разграничении языкового и коммуникативного сознания. Под последним понимается «совокупность знаний и механизмов, которые обеспечивают весь комплекс коммуникативной деятельности человека <...> Для русского человека *это совокупность знаний о том, как надо вести общение в России*. В коммуникативное сознание входит и информация об иностранных языках<...>» [там же: 48]. Из этих суждений может следовать, что память или механизмы визуального и слухового восприятия тоже являются составляющими ЯС, коль скоро они обеспечивают порождение и восприятие речи. Согласно З.Д. Поповой и И.А. Стернину, ЯС является частью и коммуникативного, и когнитивного сознания, а языковая система выявляет лишь часть содержания сознания и мышления и способна в общении выразить лишь часть смысла. Логично тогда заключить, что «языковое сознание <...> исследуют традиционная лингвистика, психолингвистика, нейролингвистика, психология, логопедия, в какой-то степени – методики обучения языку. Коммуникативное же сознание не изучается до сих пор какой-либо специальной наукой, хотя изучение коммуникативного сознания, особенно его национальной специфики, уже назрело» [там же: 49]. Но вывод авторов немного иной: «Лингвисты изучают языковое сознание человека; коммуникативисты – коммуникативное сознание человека; когнитологи изучают когнитивное сознание» [там же: 50]. Каким образом всё это соотносится друг с другом и в чём состоит специфика каждого такого «сознания» по отношению к другим, остаётся неясным. Не следует ли из такого вывода, что, скажем, дескриптивизм как лингвистическое направление внёс существенный вклад в изучение языкового сознания, а культурно-историческая психология – нет?

Изложенной точки зрения близка позиция С.Ю. Аншаковой, трактующей ЯС как особенности речевого поведения индивидуума, которые опреде-

ляются коммуникативной ситуацией, его языковым и культурным статусом, полом, возрастом, мировоззрением, особенностями биографии и другими константными и переменными параметрами личности [Аншакова 2004: 21]. Очевидно, что либо все эти факторы лишь частично «участвуют» в ЯС (и тогда нужно объединяющее их условие), либо ЯС разрастается до размеров сознания вообще.

Рассмотрев ряд точек зрения на ЯС, И.А. Барина, Н.М. Нестерова и И.Г. Овчинникова заключают: «...Языковое сознание представляет собой такой аспект изучения языкового материала, при котором язык и речевую деятельность рассматривают в качестве отражения ментальных представлений языкового коллектива, как правило, не осознаваемых носителями языка. Языковое сознание – это предмет исследования, а не объект» [Барина 2010: 17].

Их точка зрения близка ещё одной очень распространённой концепции – концепции Н.В. Уфимцевой и Е.Ф. Тарасова, определяющих ЯС как «...знания, ассоциированные с языковыми знаками для овнешнения в процессе общения первичных и вторичных образов сознания. Первичные образы, по А.Н. Леонтьеву, – это знания, формируемые личностью, в процессе восприятия объектов реального мира, а вторичные образы – это первичные образы, используемые в качестве перцептивных эталонов при последующих актах восприятия» [Уфимцева 2009: 20]. Ср.: [Привалова 2006: 34; Сергиева 2010: 136; Уфимцева 2003: 103].

Важно остановиться на некоторых моментах, следующих из такой трактовки ЯС. Дело в том, что собственно индивидуальное сознание человека не наблюдаемо напрямую, выводы о его «работе» делаются на основе изучения продуктов такой «работы», и сколько-нибудь существенные закономерности «работы» языка как достояния человека, как явления сознания невозможно делать на основе единичных случаев – неминусом требуется обобщение. Следовательно, ЯС есть не только и не столько реальные явления и процессы, происходящие в сознании отдельного человека, сколько их обобщённое представление в теории. Поэтому в приведённое определение мы бы внесли поправку: **языковое сознание – это психолингвистическое понятие, обобщённо показывающее, как знания, ассоциированные с языковыми знаками, овнешняют в процессе общения первичные и вторичные образы сознания.**

Именно эти обстоятельства лежат в основе методологической схемы такой концепции ЯС, которая нацелена на учёт того, что принято называть человеческим фактором в языке. Фактор человека, или фактор сознания в самом общем виде сводится к следующему: 1) отражение мира в сознании носит активный и пристрастный характер, 2) «работа» сознания не останавливается, сознание не есть статичный феномен.

Если считать факты языка «сами по себе» сущностями (или содержани-

ем), а фиксируемые теорией их взаимодействия и проявления – явлениями (или формой), в которых сущности даны наблюдению, то особую важность приобретает следующий момент. Мир сущностей и мир явлений (в том числе научных понятий и конструктов) не есть два разных мира, но они не обладают и гомогенностью. Факты языка не отражаются напрямую и во своём содержании в теоретических построениях; при переходе от одних к другим нечто изменяется не просто по языку описания, а по сути, по онтологии вещей. Не существует такой абсолютной системы отсчёта, из которой можно было бы одновременно и непосредственно наблюдать и способ или акт наблюдения фактов, и сами факты внешнего мира такими, как они есть независимо от факта их наблюдения и отражения в теории. Но, с другой стороны, результат отражения в теории наблюдаемых фактов не есть некий «придаток» к этим последним, конвенционально выработанный шаблон именованя наблюдаемых явлений.

Объект наблюдения не может быть задан безотносительно к форме его существования и к форме его практического освоения – к особенностям той человеческой практики, которую подразумевает данный объект и которая с его помощью осуществляется. В то же время в познании, основанном на наблюдении, а тем более в эксперименте исследованию подвергаются не все и любые свойства объекта познания, а лишь некоторые из них. Именно те, которые выделены условиями эксперимента или абстрагированы мыслью исследователя. Разумеется, интересующие исследователя свойства объекта не оторваны полностью от других его свойств, они выделяются лишь практикой эксперимента или характером абстракции. В ходе такого абстрагирования некоторых свойств объекта происходит замещение реальных материальных свойств их идеальными знаковыми аналогами. Эти знаковые аналоги являются особыми теоретическими схемами изучаемых объектов и явлений, выступая одновременно изображением структуры объекта исследования и моделью практики с ним, позволяющей в мыслительном эксперименте воспроизвести существенные аспекты всех входящих в данный класс объектов.

Уже отсюда следует, что констатация некоторых свойств наблюдаемых фактов изначально связана с допущением определённого **способа** их наблюдения и формулировкой характера преломления фактов в продуктах их наблюдения.

«Мир не задан для нас в некоторой универсальной и абсолютной системе отсчёта, из которой возможно внешнее наблюдение событий в нём» [Мамардашвили 2010: 24]. Факты языка фиксируются не «сами по себе», не независимо от внешних для них условий наблюдения и фиксации, а в нашем опыте, в пространстве и времени конкретных схем и способов деятельности познающего субъекта. А это, в свою очередь, не даёт возможности говорить отдельно и независимо о свойствах наблюдаемых явлений и процессах их наблюдения. Последнее обстоятельство есть не просто априорно принимае-

мое положение, от которого можно было отказаться или временно «отгородиться», а следствие и неотъемлемая характеристика организации познания явлений, по своей природе связанных с сознанием. В этой ситуации явления и их характеристики не пассивно отражаются в независимых от них понятиях, а хотя бы частично создаются последними, причём по-разному – в зависимости от интерпретации понятий.

То, что наблюдается исследователем в процессе познания, не есть только материальные факты, «очищенные» от любой субъективности. Когда речь идёт о познании человеческого сознания (в частности – речевой деятельности) в результатах и продуктах его деятельности, то в наблюдаемых явлениях неминуемо присутствует «осадок» порождаемого их сознания. И выведение закономерностей такой деятельности, неминуемо требующее обобщения множества данных (основанных на наблюдении многих сознаний), даёт в итоге результат и продукт, который не может быть до конца очищен от характера и способа такого обобщения. Способ обобщения должен не отбрасываться теорией, а должен учитываться и объясняться. Действия человеческого сознания и их обобщение не даны априорно, а заданы в качестве факторов, влияние которых на конечный результат наблюдения требует учёта вместе с другими, «объективными», факторами и не может быть сведено к этим последним.

Есть и другое важное, хотя и более частное, обстоятельство, связанное с активным характером отражения мира в сознании, которое (обстоятельство) не должно игнорироваться теорией. Как учёный может выявить те образы сознания, с которыми ассоциированы языковые знаки? Он может «заставить» человека использовать данное слово и по результатам такого использования в заданных условиях делать выводы о внешних связях слова. Язык как достояние человека есть открытая самоорганизующаяся система опор и ориентиров, функционирующая для целей общения и познания мира [Залевская 2005: 238; Рубинштейн 2012: 168-169]. Для изучения связей между элементами этой системы нужно поставить систему в такие условия, в которых интересующие исследователя связи между элементами проявятся, т.е. система совершит некоторый акт ориентации в мире с опорой на предшествующие знания, переживания наличной ситуации и т.д. Однако активность сознания не останавливается в момент проведения эксперимента (шире – в момент наблюдения за этой активностью), и в результате такого акта на поверхность системы выйдет некоторый его продукт (сказанное/написанное слово), но сама система перейдёт в другое состояние, которое для обнаружения своих внутренних связей, в свою очередь, требует активации в некоторых условиях, и т.д. до бесконечности. Мало того, после окончания одного речемыслительного акта система будет находиться в неизвестном положении ещё и потому, что ключевой фактор (значение слова, эмоция и т.п.) в этом её положении неизвестен и требует дополнительной активации систе-

мы, что также приведёт к неизвестному её состоянию, требующему следующего речемыслительного акта, и т.д.

Но и это ещё не всё. Коль скоро факторы, влияющие на использование слова в речи, у каждого человека индивидуальны и неповторимы, то мы не можем сказать, что язык как система опор и ориентиров после формально идентичных речемыслительных актов, давших схожие продукты деятельности, у разных индивидов перешла в идентичное состояние. Проще говоря, два испытуемых могут переживать идентичные условия эксперимента по-разному, и мы не можем утверждать, что феноменологически идентичные продукты речемыслительных актов онтологически так же схожи, поскольку сам речемыслительный акт в одном случае мог «подтолкнуть» систему в одну сторону, а в другом – в другую. Во всяком случае, невозможно быть уверенным в том, что этого не произошло.

Сказанного достаточно для вывода: **закономерности и связи, фиксируемые понятием ЯС, не относятся к индивидуальному сознанию**, поскольку сам характер выявления этих связей, во-первых, имеет характер обобщения, во-вторых, относится к тому, чего, в сущности, уже нет в индивидуальном сознании, что речемыслительным актом отодвинуто в прошлое. Дополнительную трудность накладывает здесь и то, что речемыслительные акты, продукты которых подвергаются дальнейшему анализу, происходили в момент *A* в условиях *B*, но сам анализ происходит в момент *A'* и в условиях *B'*, и субъект познания (учёный) не может утверждать, что он и объект познания (испытуемый) оперируют одними и теми же элементами. «Мир не может вернуться в прежнее положение, и поэтому мы не можем знать о том, каким он был до того, как он уже измерялся, уже воспринимался, уже наблюдался» [Мамардашвили 2010: 53].

Теоретическое знание, фиксируемое в понятии, отражает такие качества множества объектов (индивидуальных сознаний), которых как таковых в этих объектах нет. В объектах есть некоторое проявление того, что лишь при научной абстракции и обобщении начинает обладать свойствами, которые без их «обработки» и теоретической интерпретации не существуют. Как нет числа «3» в трёх каких-либо объектах или нет *скорости* в перемещающемся объекте: эти свойства не имманентны объектам, а проявляются только в ходе их абстрагирования, но, однажды абстрагированные, они воспринимаются как принадлежащие самим объектам.

В свете последнего ЯС как теоретический конструкт следует рассматривать с позиций понятия «превращённая форма».

«Спецификой превращённой формы является действительно (а не в сознании наблюдателя) существующее извращение содержания или такая его переработка, что оно становится неузнаваемым прямо» [Мамардашвили 2011: 247–248]. При этом само понятие «превращённость» — это термин языка исследования, а не часть предметной системы, включающей в себя

наблюдателя и подвергающейся вместе с последним теоретическому обобщению [Там же: 249].

«Особенность превращённой формы, отличающая её от классического отношения формы и содержания, состоит в объективной устранённости здесь содержательных определений: форма проявления получает самостоятельное „сущностное“ значение, обособляется, и содержание заменяется в явлении иным отношением, которое сливается со свойствами материального носителя (субстрата) самой формы... и становится на место действительного отношения. Эта видимая форма действительных отношений, отличная от их внутренней связи, играет вместе с тем – именно своей обособленностью и бытийностью – роль самостоятельного механизма в управлении реальными процессами на поверхности системы» [Там же: 247]. В качестве реального эмпирического материала при исследовании ЯС берутся продукты «работы» индивидуальных сознаний участвующих в эксперименте или наблюдении людей. Из всей массы таких продуктов выделяются лишь те, которые обладают свойствами, регулярно проявляющимися в некоторых условиях, но которые не имманентны индивидуальным сознаниям людей, не проявляются в их психике «в чистом виде». Эти-то свойства и входят в теоретический конструкт – идеальный объект, фиксирующий в превращённой форме именно эти свойства реальных объектов. Феноменологически (на поверхности системы, по выражению М.К. Мамардашвили) соотношение выглядит перевернутым: представляется, что некоторая закономерность, зафиксированная в понятии, предшествует реальным свойствам индивидуальных сознаний и продуктам их деятельности, наблюдаемым в познании, и обуславливает их. В действительности закономерность, зафиксированная в понятии, не может выступать причиной деятельности индивидуального сознания и сама влиять на характеристики продуктов такой деятельности. Наоборот, эта закономерность обусловлена повторяющимися конкретными проявлениями (не обязательно полностью идентичными) характеристик активности сознания, обобщённо представленными в теории. Но, однажды зафиксированная, такая «перевернутая» закономерность, такая превращённая связь формы и содержания воспринимается как реальная и переносится на объекты, как если бы она была им имманентна, принадлежала бы им вне их наблюдения теорией и вне абстрагирования и обобщения их свойств.

ЯС, таким образом, должно изучаться не просто как форма овнешнения некоторого образа сознания, а как **связь комплекса явлений**, закономерно проявляющаяся в эмпирическом материале, но проявляющаяся не напрямую (вернее, проявляется нечто, что лишь вследствие его обобщения в теории обозначается как ЯС). Сама такая связь не наличествует в конкретных свойствах отдельных эмпирических объектов (актах активности сознания, актах речемыслительной деятельности или их продуктах), а является результатом выявления соответствующей объекту познания структуры внутренних и

внешних его связей, представленных в форме идеального объекта (теоретической схемы), и операций по отображению, построению этих связей. Теоретические модели и понятия, будучи обобщённым отражением реальности, выступают одновременно как изображения структуры и свойств объекта исследования и структуры практики с этим объектом, в рамках которой он выделяется из бесконечного ряда подобных. ЯС как психолингвистическое понятие отражает и обобщает структуру и свойства множества индивидуальных сознаний (субъективное содержание образов, стоящих за знаками языка) в их зависимости от внутренних (эмоции, личностный смысл и т.п.) и внешних (возраст, пол и т.п.) факторов.

Проанализированные гносеологические особенности ЯС, а именно 1) активность сознания человека, являющегося объектом познания, 2) неустранимость самого акта наблюдения из конечного знания об объекте, влекут за собой важные методологические следствия. ЯС должно изучаться преимущественно экспериментальными методами, позволяющими учитывать характер активности объекта познания и условий, в которых эта активность совершается, и в некотором смысле регулировать такую активность, направлять её в целях исследования. Кроме того, необходимо учитывать, что выявляемые внутренние закономерности наблюдаемых явлений являются обобщённым отражением свойств этих явлений, но не соотносятся напрямую ни с одним из них и не могут быть в них найдены в чистом виде. Свойства ЯС – это не свойства отдельных индивидуальных сознаний людей, а свойства тех общих закономерностей, которые «управляют работой» индивидуальных сознаний, взятых с точки зрения языка как достояния человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аншакова С.Ю. Языковая картина мира в системе антонимических оппозиций русских былинных текстов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 // С.Ю. Аншакова. – Тамбов [б.и.]: Тамбовск. гос. ун-т им. Г.Р.Державина, 2004. – 195 с. – На правах рукоп.
2. Барина И.А. «Языковое сознание»: к вопросу об определении и интерпретации термина / И.А. Барина, Н.М. Нестерова, И.Г. Овчинникова // Вестник Пермск. нац. исследовательск. политехнич. ун-та. Серия «Проблемы языкознания и педагогики». – 2010. – № 4. – С. 10-21.
3. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды / А.А. Залевская. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.
4. Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2010. – 288 с.
5. Мамардашвили М.К. Формы и содержание мышления / М.К. Мамардашвили. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. – 288 с.
6. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
7. Привалова И.В. Языковое сознание: этнокультурная маркированность: теоретико-экспериментальное исследование: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / И.В. Привалова; Ин-т языкознания РАН. – М.[б.и.], 2006. – 486 с. – На правах рукоп.

8. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2012. – 288 с.
9. Сергиева Н.С. Хронотоп жизненного пути в русском языковом сознании: дис. ... д-ра филол. наук 10.02.19 / Н.С. Сергиева; Ин-т языкознания РАН. – М.[б.и.], 2010. – 420 с. – На правах рукоп.
10. Уфимцева Н.В. Языковое сознание как отображение этносоциокультурной реальности / Н.В. Уфимцева // Вопросы психолингвистики. – 2003. – № 1. – С. 102-110.
11. Уфимцева Н.В. Проблемы изучения языкового сознания / Н.В. Уфимцева, Е.Ф. Тарасов // Вопросы психолингвистики. – 2009. – № 10. – С. 18-25.
12. Яковлев А.А. Гносеологические и методологические аспекты изучения языковой картины мира // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 35. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2016. – С. 255-262.

EPISTEMOLOGICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS STUDIES

A.A. Yakovlev

Siberian Federal University, Krasnoyarsk

The article discusses the epistemological foundations of the concept of linguistic consciousness and their methodological consequences. The most important moments that must be taken into account for the non-contradictory study of linguistic consciousness are the active and biased nature of the world reflection in the consciousness, as well as the indirect and transformed expression of the real objects characteristics in the constructions and terms of the theory.

Key words: language consciousness, linguistic methodology, linguistic epistemology.

Об авторе:

ЯКОВЛЕВ Андрей Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков и прикладной лингвистики института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета; *e-mail:* mr.koloboque@rambler.ru